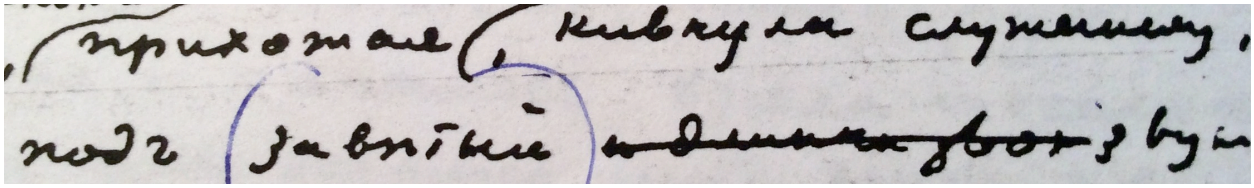
ОТВЕТ А. БАБИКОВУ

Возражения А. Бабикова напомнили мне жалобы известного набоковского героя на жестоких критиков, не признавших его шедевр. Ср.: «Принимаю с горечью и презрением самый факт непризнания (чье мастерство им не было омрачено?) и продолжаю верить в безупречность. Обвинять себя мне не в чем. Ошибки—мнимые—мне навязали задним числом, голословно решив, что концепция моя неправильная...»

О дилетантских концепциях Бабикова как текстолога, комментатора и исследователя я сказал все, что хотел сказать, и потому остановлюсь только на двух мелочах. По какой-то причине моего оппонента особенно задело мое, мягко говоря, скептическое отношение к его утверждению, будто бы Набоков начал писать второй том «Дара» «ровно сто лет спустя после того, как Гоголь сочинял второй том “Мертвых душ”» в 1841 году, и это «неслучайное совпадение». Даже если бы объявленное совпадение имело место, меня бы все равно насмешил столь своеобразный аргумент в пользу датировки набоковских набросков 1941 годом, но на самом деле оно существует только в воображении Бабикова. В гоголеведении нет единого мнения о том, когда Гоголь приступил к работе над вторым томом «Мертвых душ». Комментаторы советского академического собрания сочинений и многие другие исследователи полагают, что это произошло только после выхода в свет первого тома, в 1842 или 1843 г. Той же точки зрения придерживался, кстати, и Набоков, писавший, что Гоголь «упрямо обдумывал продолжение «Мертвых душ» в течение последних десяти лет жизни» (V. Nabokov.

Nikolai Gogol. N.Y., 1961, 132). По альтернативной гипотезе, Гоголь набросал первые фрагменты в 1840 г., но затем прервал работу и вернулся к ней лишь два года спустя, когда первый том вышел в свет. В любом случае потребный Бабикову 1841 г. из истории создания второго тома выпадает.

Отвечу также на единственное текстологическое возражение Бабикова, которое имеет под собой хоть какие-то основания. Оно касается слова, которое Бабиков читает как «завѣт<н>ый», а я как «завитый». Начертание буквы во втором слоге после «в», действительно можно принять за «ѣ»:



Однако первоначальное продолжение фразы и отсутствие «н» в четко написанном слове не оставляют никаких сомнений в том, что чтение Бабикова представляет собой гиперкоррекцию. Невозможно себе представить, чтобы Набоков даже в черновике назвал звонок/звук «заветным **и** длинным», допустив неловкий силлепс и при этом пропустив суффикс в прилагательном, тогда как «завитый и длинный» (о звонке или звуке)—остраняющая метафора в набоковском духе.

Все прочее—sapienti sat.

Александр Долинин

Мэдисон, США / Санкт-Петербург